

Валерий Бодров

Небесная
танцовщица

apsaras

2021 год

18+

Валерий Бодров

Небесная танцовщица *apsaras*

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Бодров В. В.

Небесная танцовщица *apsaras* / В. В. Бодров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Главный герой книги ищет свою любовь, и на этом пути ему попадаются одинаковые типы женщин, в которых, как ему кажется, он заблудился. События, разворачивающиеся вокруг него, принимают совершенно неожиданный поворот. Разочаровавшись, он уезжает за границу и продолжает поиски там, встречая всё те же типажи, только с местным колоритом. Пока однажды не решается искупаться ночью в океане. После чего череда отчасти подстроенных случайностей и его жажда жизни приводят к тому, что он искал. Это искушение становится его вторым я. Главный герой даже представить себе не мог, что с ним могут произойти столь необычные изменения.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Бодров

Небесная танцовщица arсарas

Часть 1

Странные люди

Наша жизнь – сплошное притворство, лишь бы выкроить для себя маленькую толику удовольствия.

Она терла небо влажной тряпкой – мыла окно. И только когда, загородивши шум с улицы, мелькнул, до блеска начищенный кусок синевы и сверкнули отражённым солнцем окна дома напротив, повернулась ко мне. Ещё раз, для верности толкнула ладонью тяжёлую фрамугу и та встала в пазы со стеклянным лязгом.

«А-а, это ты...», – глаза узнали и приобрели мягкое выражение. Как именно оно достигается, и чем: глазными мышцами, прищуром век, увеличением диафрагмы зрачка или всё-таки неизвестной науке силой исходящей изнутри человека, через эти живые оконца?

«Уборщица заболела, а в грязи не могу, – она подошла, и, смахнув полотенцем, остатки неба с рук, протянула ключи, словно фокусник неожиданно вынул их из развёрнутой ладони, – Запри дверь». Я послушно задвинул в паз бесшумный замок, и ещё не успев повернуться, почувствовал её прохладные руки под просторной футболкой.

Всегда поражает назидательная покорность этой позы, два перезрелых апельсина взращенных в солярии удивлённо взирают на меня снизу, – незагорелая чайка вместо бровей. Я придерживаю их двумя руками с боков, чтобы они случайно не раскатились по кабинету, с грохотом опрокидывая мебель, и не переполошили работающий офис за стеной. Широкая спина из той же оранжевой кожуры уводит мощёную тропинку позвоночника и блудливые пупырышки под задранное платье. Дальше блестит покрытая капельками пота, конопатая холка в вырезе летнего крепдешина с пуговкой застенчивой застёжки на полукруге. Рассыпанные в простоволосом беспорядке пряди, и её руки, зацепившиеся за другой края стола, между аккуратно раздвинутых письменных приборов, равномерно пружинят в локтях, возвращая ци-трусые (от слова трусы) мне в пах.

«Алла Велиановна, вы здесь?» – дёрнулась ручка двери. Несколько секунд замершего дыхания «на пике Джомолунгмы» (так называла Алла оргазм) и ещё раз медленное проверочное нажатие дверной фурнитуры, бронзовая полоска ручки отпружинила на место и замерла, видимо с той стороны двери интерес к ней был потерян. Наше затаённое либидо выдохнуло наружу: смешки, щипки, шлепки.

Чуть позже: расслабленный на чёрной прохладной коже дивана с эндорфиннами в голове, смотрю на её довольное, уже не молодое, но ухоженное лицо, отражённое в овале зеркала – чешет голову. Собрала с иголок массажной щетины щепотку скошенных волос и посолила ими мусорную корзину.

Никак не могу уловить момент, когда она из смекалистой и желанной женщины превращается в грозного директора. Пышная бирюза платья села на место, узкий поясок перевязан, благодарная рука треплет мне шевелюру – Алла ещё прежняя.

«Как всегда – молодец, – говорит она, протягивая четверть коньяка в тяжёлом стеклянном стакане, и тут же, отпирая дверь, совершенно не стесняясь, орёт секретарю в приёмную, – Варя, бухгалтера ко мне!»

Бухгалтер-Наташа явилась на зов Аллы моментально, словно и ждала уже, и надеялась, и тихонько, как-то аккуратненько, присела на стул у самого входа в кабинет, примерно соединив чёрные капроновые колени. Вся серенькая, ничего лишнего в одежде, только воротник ярко-белой блузки выправлен поверх пиджачка.

«Покажи фотографию», – (приказной тон) Алла проявилась уже в образе директора.

Бухгалтерша юркнула правой рукой в заранее приготовленный карман, но от видимого волнения, не смогла сразу её достать. Пришлось воспользоваться и левой, оторвав её от седушки стула, в которую она вцепилась до синевы в пальцах. Я заметил, как подрагивает её оттопыренный мизинец.

Алла подошла, приняла у неё фото и поднесла к моей физиономии: «Одно лицо! Мать честная, бывают же совпадения!» Я взял из её рук квадратик фотографического картона, вылил в себя остатки спиртного и уставился на изображение, там был я, только несколько моложе и в другой, не приспособленной для меня одежде (белая удушающая водолазка под фиолетом вельветового пиджака). «И, что? – Спросил я, ещё не понимая всей серьёзности грянувшего момента, – Ну, похож, ну уж прям не настолько!» «Насколько, насколько нужно и похож!» – Алла решительно вернулась в своё директорское кресло. Она всегда в него возвращалась, когда необходимо было донести до подчинённых нетерпящий возражений постулат. И я чувствовал себя её безголосым пажом, когда он там восседала, источая мудрое сияние, хотя и не числился в её штате. Многозначительно поцокала накладными красным ногтями по ещё не остывшему после давешней забавы пластику столешницы и начала говорить. И то, что я услышал, не сразу отложилось в моей голове.

Мне было предложено сто тысяч рублей за то, что я оплодотворю Наташу-бухгалтера, потому что её любимый богатенький муж, так похожий лицом на меня, редкостный ревнивец и самодур, пригрозил ей разводом, если она не родит ему дитя. Хотя сам в этом смысле оказался несостоятельным, что ни в какую не хотел признавать, даже после проделанных над ним опытов в местной медицинской организации под названием «Брак и семья». Бедная Наташа-бухгалтер, нарыдав мешки под глазами, на фривольном офисном чаепитии в честь очередного женского дня выложила всё своей начальнице, а она, склонная к авантюрам, предприниматель с заглавной буквы, сразу составила этот незатейливый план с моим участием.

«Потерпишь недельку, подкопишь семя, не пить, не курить, ко мне..., – Алла хотела вставить слово «не ходить», но осеклась, и, сняв очки, придававшие её лицу многозначительности, решительно поставила точку последней фразой, – квартиру для оплодотворения я вам предоставлю. Свободны!»

Не успел я даже возразить, как бухгалтершу сдуло со стула, а Алла уткнулась в бумаги многочисленными стопочками рассредоточенные вокруг. «Алла! Ты что? Ты хоть соображаешь...», – начал, было, я откат услышанного. Моя суровая женщина посмотрела на меня зло и непримиримо: «Всё решено! На деньги, что она заплатит, свозишь меня к морю. И только попробуй не...», – указательный палец, окольцованный рубиновым перстнем, мой подарок на пятилетие нашей совместной жизни, предупреждающе закачался перед моим носом.

Я познакомился с Аллой у неё же в конторе, где она директорствует, и по сей день. Зашёл на несколько минут подписать деловой договор о поставках чего-то там кому-то здесь. Бумага была завизирована и проштампована, после же коньяка и флирта на скорую руку, последовала бурная возня, после которой она быстро сдалась и встала, нагнувшись, в покорную позу. А мужику всё равно, мужик в этом деле существо подвластное эротической стихии.

Теперь же, я вышел из кабинета с видом проданного в рабство. Проходя мимо бухгалтерского стола, поймал на себе полный интереса взгляд моей легальной любовницы, щёки её пылали. «На мужа, наверное, также перед раскрытой постелью смотрит», – подумалось невзначай.

Понять, что двигает человеком, когда он принимает такие решения, особенно за других, по силам только святым и их приближённым. Для себя я решил, что, скорее всего, Аллой двигал интерес, а что из этого получится. И ни в коей мере не желание заработать. Своего рода проверка, на чувства, на способность самопожертвования, на исполнение её воли, как любимой женщины, на желание сострадать. Я принял это, потому что вспомнил, как она однажды сказала в минуту плаксивой слабости, случавшейся у неё в периоды расположения к тому или иному человеку, обременённому душевной травмой или загнанному в тупик безжалостной злодейкой-судьбой. Она сказала: «Я бы всё отдала, чтобы не видеть этого горя!» – И мокрые полоски слёз пульсировали у неё на щеках и никак не могли остановиться. Тогда я сам себе дал обещание никогда больше не допускать безудержного слезотечения и всячески оберегать то единственное предложенное мне провидением, что у меня было на данный момент. Даже её строгий тон в кабинете, был всего лишь маской, которая в любую минуту могла смениться истерикой по поводу жалости к ближнему. Пришлось молча унести новый груз ответственности переложённый на тебя. А зачем собственно и нужна жизнь? Разве что для выполнения именно таких неожиданных решений.

Этим же вечером нам домой позвонила Наталья. Мы с Аллой в это время мирно перебирали новости дня, явно избегая упоминания о странном начинании. Трубку взяла Алла и, отёрнув от уха, словно её кто-то укусил, сразу передала мне: «... нужно встретится, чтобы привыкнуть к друг другу», – немного таинственно, сообщил мне динамик знакомым голосом обрывок фразы. «Да-да, – торопливо ответил я, – перезвоню, как найду время». Мне сделалось так неловко: зачем-то вскочил с дивана, где удобно расположился с Аллой, и стал ходить по комнате, не замечая, что всё ещё держу в руке давно выключенную беспроводную лодочку телефона. Я всё ещё относился к этому мероприятию с некоторой долей иронии, даже страха. Сами посудите: переспать за деньги с неизвестной мне женщиной, пусть это событие и окрашено благородными красками. И потом, вдруг и правда родиться у неё мой ребёнок, а я даже и знать не буду, где он и как прожигает подаренную мною жизнь. Да и вообще, как-то это не по-людски! Поэтому я сказал, обращаясь к остаткам трезвого ума своей почти жены: «Алла, ну ведь это же бред!» Алла посмотрела на меня долго, каким-то новым изучающим взором, молча запахнула к самому горлу халат, тем самым, закрывая доступ к телу, и нажала кнопку включения на пульте телевизора.

Я и представить себе не мог, что значит быть аскетом. Вести пуританский образ жизни несколько дней под силу не каждому, да ещё в вечном мужском возрасте, когда обязательно во времена машинальной задумчивости находишь свой взгляд на любой оголённой части женского тела, в каком бы многолюдном месте ты не находился. И в чём причина такого цепляния глазами, ты и сам себе объяснить не можешь, лишь ловишь насмешливые взоры заметившие твою нечаянную слабину.

Первым днём оказался вторник. Его провёл без особых осложнений, лишь потянувшись за сигаретой, вспоминал о данном обете и с удовольствием от неё отказывался, памятуя, что давно хотел бросить курить. Некий смысловой эффект в этом отказе был. Откажись от малого и будет большее. Знаете, я даже чувствовал некоторую гордость за себя. О выпивке речи не шло, всё остальное меня пока не волновало. Кажущая простота начатого дела совершенно меня расслабила, и я приготовился получать новое удовольствие от жизни (в смысле отказа во всём), но химические реакции моего организма постепенно возвращали меня на уровень заложенного в нас естества.

Вы замечали за собой такие странные моменты, как только вы собираетесь произвести в своей жизни переворот, что-то закончить или наоборот начать. То сразу же всё пространство и окружающие начинают вам мешать. И мешают они так изошрённо, что такой тонкости и коварству позавидовали бы даже ваши враги.

Во-первых, я остался дома, чтобы поработать в тишине и, так сказать, не отвлекать себя всякими соблазнами, но уже через час равномерного поскрипывания моего вечного пера, раздался звонок в дверь.

Передо мной в облаке с плавающей надписью: «Мне только этого сейчас не хватало!» – стоял Артурчик. Он всегда объявлялся только по очень важным, как ему казалось, делам, каждый раз огорошивая меня своей неповторимо наглой просьбой. Давно уяснив, что денег в долг просить у меня нет смысла, иначе бы он приходил за ними каждый день, любитель халявы начал выискивать разные не очень приличные способы их замены. Он без зазрения совести мог весьма и весьма серьёзно попросить починить электрические розетки у него дома, объясняя это своей технической некомпетентностью; мог нагрузить покупкой какого-нибудь редкого лекарства с его же доставкой; поручения поискать для него вещь по магазинам, либо бытовую мелочь, всегда дополняли его слащавые речи. «Если захочешь сделать мне подарок, – говорил он дьявольски завораживающим голосом, – купи мне ...», – и показывал: круглый резиновый эспандер, до момента разрыва которого оставалось совсем небольшое волоконец или ежедневник, замусоленный и исчерканный записями карандашом с чудом сохранившимися последними страничками. Как-то он позвонил поздно вечером и просто потребовал крови, да, да – самой настоящей (четвёртую группу, резус отрицательный), я не знал, что ответить и просто тихо положил трубку. Наверное, я поступил плохо, ведь кому-то наверняка нужна была эта животворящая жидкость. Однако я и своей-то группы крови не знал отродясь, был в этот вечер слегка пьян, и его неуёмная наглость начинала меня доставать.

Просить Артурчик умел вдохновенно и правильно обычно в конце длинной научно-фантастической безошибочно поставленной беседы об интересах сидящей напротив жертвы, в этом не было ему равных. Поддавшиеся его магическому напору некоторое время обслуживали своего короля-попрошайку, но не получая ничего взамен быстро ретировались. Я лично знал нескольких одуроченных придворных, гонящихся за Артурчиком, чтобы набить ему лицо. Для меня все его уловки были давно известны, и эта жутковатая муть, в которой плавали его просьбы, оставалась без ответа. И он понимал, что я не собираюсь вступать в ряды его лакейской гвардии, но в то же время мне очень хотелось узнать до какого предела может пойти его вертлявый ум в поисках халявы. Каждый раз, Артурчик, пробовал меня на «на зуб» заново. Не мог пересилить в себе эдакую жадную гнилушку и просил, снова и снова.

Вот и сегодня как всегда начал с долгих предисловий, что уже лет пятнадцать намекало мне – просьба эта не выполнима.

Дело оказалось в том, что его девушка (какое мне дело до его девушки?), страдала комплексом неполноценности, и самым её большим желанием по истреблению этого мешающего жить недостатка, было переспать с двумя мужчинами сразу. Артурчик увидел во мне второго. Он расселся напротив меня на диване и опять-таки с важным видом полуобняв невидимую фигуру беса рядом излагал сущность предстоящего греха. Рогатое козлоное существо, что-то нашёптывало ему в периоды красноречивых пауз. Если выключить звук, можно было подумать, что мы обсуждаем устройство ракетносителя «Протон» настолько серьёзны были наши лица.

Как можно быстрее я попытался открыть рот, чтобы отказаться. Меня даже холодный пот прошиб. Но сидящий передо мной худощавый блондин, имеющий нос с лёгкой горбинкой, меня опередил: «Завяжем ей глаза, чтобы она не могла тебя видеть, все манипуляции будешь производить молча...» «Достаточно, Артур, хватит! Я не в состоянии этого сделать». Нос Артура раздражённо заиграл крылышками ноздрей: «Неужели придётся просить Ваню, а от него всегда так неприятно пахнет...», – пробурчал он, деловито направляясь к выходу, словно мой отказ только укрепил его желание.

Во-вторых, и по сей день, я вспоминаю это предложение с брезгливой моросью в душе. Но тогда, оно произвело на меня удручающее впечатление. Казалось бы, чего, ушёл Артур и я весь

его экзистенциальный бред, задвинул на самую дальнюю полку памяти, но не тут то было. Всё скребло и скребло, где-то внутри под сердцем: как же это так, ну почему же именно сегодня?

Вечером мне Алла, после моего осуждающего рассказа, рассмеялась и с какой-то даже задорной весёлостью произнесла: «А мы то чем лучше, цели то те же? А, каков, Артур! Я вот ему выскажу при случае, на что покусился, плут!» Затем, чтобы успокоиться и успокоить меня она читала вслух книгу. Я не слушал, вспоминал Наташино бухгалтерское лицо – получалось с трудом. Старался найти волнительные нотки, памятные зацепки, ей не идёт серое, лучше бы в красном и ногти обязательно лаком, у туфель каблук повыше, что это за причёска – всё наверх, – распустить.

«И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плод его и ела; и дала также мужу своему, и он ел», – Алла захлопнула книгу. «Да ты не слушаешь меня!» – Резко встала и вышла в другую комнату. «Что ты мне читала, жена моя?»

Во второй день недели искушения мне с утра позвонила Ксения.

Уж от кого от кого, а от неё я никак не ожидал столь неуместного предложения. Она манипулировала изумительным лисьим тоном и под конец своей «сырной басни» предложила встретиться в кафе. В «нашем кафе»: «Ну, помнишь, на углу, я угощаю». С каких это пор оно стало нашим? Что можно было так бесцеремонно обращаться к моей памяти, пытаюсь внести в неё правки, после того как оценка за сочинение уже давно выставлена.

Мы были там пару раз и оба раза не по своей вине, а лишь из-за дождя застававшего нас всегда врасплох и встретились мы дважды случайно, и разрыв между походами в это заведение был в несколько лет. Я же пытался простить ей другое. Когда-то, «пару жизней назад» я к ней специально приехал, готовый влюбиться, под предлогом обсуждения её подражательных стихов: «Ваши сложные морали у разобранной постели. Вы читали Пасторали? – Пасторали? – Постарели». Но мы были юны! И клянусь, мне было назначено в этот день! Горлышко Советского Игрстого дымилось у меня в руке. Видно было, что меня ждали с усердием и натюрморт из тонкой книжицы с портретом автора у зеркала в окружении ёлочных гирлянд, за неимением лавровых венков – ожидал меня.

Я развалился в кресле напротив и начал издали пробовать рифмы (подчевала, ночевала), уже потихоньку представляя, как в конце вечера буду разворачивать эту подарочную упаковку в виде синего шёлка до пят, но не успел сделать и глотка из своего фужера, как в дверь позвонили. Ещё несколько минут после я был просто уверен, что вошедший в комнату молодой паренёк забыл забрать свои лекции и сейчас же отвалит, получив желаемое. Только он сел напротив взял второй бокал и начал нагло пить, глядя мне в лицо, синий шёлк прошелестел у моего уха за спинкой кресла: «Не мог бы ты прямо сейчас уйти?» Нетерпеливый голос повторил это ещё раз, уже неприлично громко. Они даже не смогли дожидаться, пока я надену ботинки, уже крутили головы на шарнире языков – так и ушёл, прикрыв за собой дверь на стыдливо щёлкнувший замок. У подъезда стояла подержанная Волга – предмет гордости залётного негодяя. Я пнул её по пружинистому чёрному колесу и она, молча снесла удар, сигнализаций тогда ещё не ставили.

Всегда интересно, что на этот раз выдумает женщина. И я, ожидая Ксению в «нашем» кафе перебирал варианты, тем более, что вариантов не было. У неё давно был ребёнок видимо от того разгильдяя, кто-то из наших общих знакомых сообщил мне эту прискорбную информацию. Она появилась в брючном костюме, обтянутая деловой материей со строгой прямоугольной сумочкой с золотистыми цепочками вместо ручек, кажется, на её пухлых пальчиках присутствовали белые капроновые перчатки (поэтический аксессуар), которые она тут же стянула, мило дотронувшись до моей руки, мирно дремлющей на столе возле вазы с букетиком вонючих бархатцев.

«Я сама сделаю заказ, я обещала», – сказала она, источая лисье очарование. Да, и не было никаких предисловий. Уже после пары натянутых улыбок и двух ложек супа с клёцками, плавающими в прозрачном бульоне маленькими шариками от пинг-понга, отложила прибор и, покусав нижнюю губку, сказала: «Мне для воспитания сына, нужен отец, ... этот куда-то делся, ... я была бы рада...». «Ну и куда же он делся? – Прервал я её плохо подготовленную речь, – Дай угадаю? На Волге уехал?» Ксения не сдавалась: «Ну бывает, ошиблась, только потом поняла, что ты мне ближе и дороже». А вот мне интересно, почему люди не замечают явных вещей думал я, внимая тому какой я красавец мужчина и вообще сознательный элемент (не то, что этот), мне это было видно в первую минуту, как только слюнтяй появился в комнате. Я раскусил его сразу, а она, что же, выходит, нет. В каком месте у барышень растут глаза?

«Знаешь, – отвечал я, ей, расправляясь вилкой с жареным хеком, тебе нужно было переспать со мной, хотя бы для приличия, а потом с ним, а ещё лучше в тот самый день с нами вдвоём; тогда у тебя была бы возможность хотя бы поплакаться мне в плечо. И потом, где гарантия, что твой «таксист» снова не объявится, и ты не выбросишь меня на улицу, как щенка? Как сына назвала? Не, не говори, – лишняя информация».

Обед я всё-таки доел, хотя бы в качестве морального ущерба за тот далёкий унижительный день. Потом она мне ещё несколько раз звонила ночью и рыдала в трубку: «Срочно бери машину и приезжай. Что же ты делаешь со мной, подлец?» Но я был непреклонен. Да и потом, я плохо себе представлял, как я лечу «подлецом» на другой конец города, глядя с заднего сиденья в тёмный силуэт шофёра, только для того, чтобы заткнуть фонтан безрассудных слёз и утихомирить разыгравшийся шторм психоделических страданий. Остальное продолжение я плохо себе представлял, что-то вроде скомканных простыней и вырубившаяся, уставшая от бездарного отчаяния, подруга рядом.

На третью ночь мне приснилась воспитательница детского сада и её синие панталоны до колен, которые я разглядывал, незаметно валяясь под столом на садиковом полу, изображая ребёнка беспечно взирающего снизу. Она не замечала меня, и, огромным мягким знаком с буквенных кубиков, разливала на своей недостижимой вершине манную кашу по тарелочкам. Странное свойство юной сущности, быть сразу в двух интересных местах и быть незамеченным.

«Как издавека началось», – думал я с утра. «На кой чёрт мне были нужны её трусы? Я ведь тогда даже не понимал, зачем я их разглядываю. Выходит, это во мне уже жило до сознательного состояния души, оно родилось со мной. Кто заставил меня носить такое в себе?» – От этого вывода стало нехорошо. Я сразу зачем-то с опаской посмотрел на потолок, будто там и должны были находиться глаза следящие, как я с этим справляюсь. Вопрос о шутнике-Творце посетил мой разум.

«А, знаешь! Потихоньку, – сказал я, всё ещё обращаясь к потолку, – наверняка по другому нельзя было заставить мужскую особь так издеваться над женской особью и наоборот». (Я имел в виду размножение). Если отбросить всё это эротическое наносное: непреодолимое желание, убрать торсы и формы, забыть о романтике отношений полов, то людям на земле абсолютно нечем будет заняться. А если в таком совершенном состоянии организма представить, что раньше разнополюе вытворяли с собой ради размножения и удовольствия (тут я подумал о Кама-Сутре), то от разнообразия форм и способов вас будет трясти от смеха до конца ваших скучных дней. И потом, как ещё можно заставить одно разумное голое существо прикоснуться к другому разумному голому существу: пот, запах, слизь, чужие микробы. Что это за процедура такая мокро-вожделенная с массой тонкостей и нюансов, которые в нужный момент могут и не сработать? Хотя, я где-то читал, что все микробы во время серьёзного чувства дохнут, опять же этот факт не доказан или может быть чувства бывают не того качества? Как узнать то?»

Потолок ответил жужжанием дрели, на верхнем этаже уже второй месяц шёл ремонт. Эротическое беспокойство внутри меня перевалило за половину, и достаточно быстро приблизилось к стопроцентной отметке.

День я провёл в городском кафе на воздухе в обществе шаткого зонтика и хромого стола, разглядывая одну и ту же строку на давно не менявшейся странице. Вокруг меня на залитой солнцем арене двигались одиночные особи обоего пола, пили кофе, разговаривали. Я в замедленной проекции воспринимал их движение губ, особенно женских, улавливал отголоски схожих ситуаций, оттенки интонации. Женские нотки успокаивали, ублаживали своим присутствием, вносили в мой растревоженный организм уверенный эквивалент снисходительной мудрости: «...взял и позвонил...» – «...никогда бы не простила...» – «...ванильные маргаритки...» – «...душка такой...» – «...ты же мне обещал...». Улавливая нюансы подслушанных фраз, я наслаждался порой только лишь звуками, гармониками противоположных моему полу голосов, их сакральной частью, на которое реагировало моё изнывающее тело. Мне казалось, что с каждой минутой я всё чётче и чётче слышу пока ещё незаметные, но уже почти понятные, почти явные призывы, каждой находившейся рядом особи другого пола.

Можно было бы хоть сейчас встать и преспокойно отправиться к Алисе. Она всегда была мне рада, приклеивала на своеобразное лицо, похожее на птицу Феникс из экранизированной сказки «Садко», улыбку. И с этой же застывшей гримасой безропотно отдавалась мне. Ни ужимок, ни вздохов. В дни командировок Аллы я захаживал к ней на это скучное мероприятие. Единственное, что меня сильно смущало, её увлечение спортивными футбольными и хоккейными командами. Она знала всех поимённо и даже посещала их раздевалки после матчей: запах конюшни, однообразное мелькание форменных цветов, голые торсы и возможно опять её застывшая среди них улыбка.

Иногда хотелось неизведанной романтики, и я шёл к Алёне. Эта полурёбенок, полуженщина не могла начать пока не наслушается вдоволь соловьёв теплой летней ночью или пока не заставит меня посмотреть душераздирающий фильм об основах творческих отношений. Затем обязательно следовало обсуждение картины, её глубокий анализ, притягивание за уши того, кто сидит сейчас рядом, затем имитация бурной страсти, и моё дымящееся тело можно было обнаружить в любом месте, где нас заставлял жизнеутверждающий финал интеллектуальной беседы. Однажды это случилось на берегу реки и пара усатых рыбаков, побросав свои удочки, наблюдала за нами из-за кустов. Когда же Алёна, вытирая губы платочком, их заметила, они, как ни чём не бывало, держали в руках свои длинные палки, нацеленные на другой берег.

Была ещё одна женщина бальзаковского возраста. Я посещал её в дни, когда хотелось тишины и чего-нибудь вкусенького. Она играла мне на пианино, просила что-нибудь починить, скорее не из-за надобности, а чтобы посмотреть на мужика за работой. Стояла рядом, вытирала незаметно слезу и смотрела. С удовольствием, по моей просьбе приносила молоток или пассатижи, и только потом приглашала меня на ложе, заблаговременно приготовленное в наспех задрапированной спальне (отвалившиеся обои было не скрыть, кровать страшно скрипела). Давно разведённая, с двумя уже взрослыми детьми, про которых она рассказывала долго и с любовью, теперь вот лежала со мной недолюбленная, уставшая, со шрамом внизу живота от кесарева сечения. Променившая по молодости девичью фамилию Ларина на эрзац Клопова. Вступившая в неравный бой с самим алкоголем в лице спившегося мужа. Конечно, я пытался восполнить её жизненные потери. Потом мы обязательно пили по бокалу хорошего вина, вместе готовили символический ужин, она в моей рубашке, я в её халате (так ей хотелось), глаза её светились, мне было приятно, но жить в таком умилении я бы долго не смог.

Чуть позже я узнал, что она выгоняла детей из дому на эти два часа, чтобы побыть со мной, и они вынуждены были гулять и в дождь, и в снег, но раньше домой не имели права приходить.

Ещё я мог пойти к девушке по имени Маша. Она была дочкой нашей классной дамы, но жила теперь отдельно от всего этого школьного безумия. Со времён, когда я ещё посещал это унылое заведение, я помню её малышкой: красное платье в белый горошек, розовый бант больше головы, один носочек съехал в сандалику на спичечной ножке. «Маша, вынь палец изо рта!» Мама приводила её на классные часы, не с кем было оставить. Тогда я представить себе не мог, что в один прекрасный летний день, мы встретимся с ней на скамейке в прохладном парке. Она уже взрослая, статная девушка от радости встречи потащит меня к себе на квартиру, где тихо и без всякого особого пафоса признается в давней своей любви ко мне и соблазнит, так по-детски просто (губы липкие от мороженого), словно всю жизнь только и ждала когда же она, наконец, вырастет, чтобы ей позволено было делать такое.

Теперь она иногда робко звонила мне и шёпотом просила приехать. По возможности я являлся к ней с редким букетом гвоздик и шоколадкой. Встречи становились все трагичнее и короче. На последней, полной тяжкой неизбежности, лицо её было мокро от слёз. Она просила остаться, но я ушёл. Как мне было объяснить этой хрупкой прозрачной, до чистоты алмаза, душе, что я бы умер за неё, потребуй от меня провидение в тот момент такой жертвы. Но глаза её были тревожны и зрачки всё время блуждали, в какой-то своей искусственной темноте. Это была не моя трагедия.

И я пошёл к Алле, поскольку она покинула меня утром, даже не разбудив, и не попрощавшись. Я всё-таки решил её убедить в бесплодности задуманного и заодно воспользоваться плодами своего убеждения немедленно ибо, ... ибо!

Дверь в кабинет Аллы оказалась заперта. Не придавая этому никакого особого значения, я решительно настроился подождать, но секретарша Варя сказала, что Алла Велиановна уехала по делам и будет не скоро. Как раз в это время в кабинете, что-то громынуло, и стыдливая замершая в испуге тишина, стала сочиться через невидимые щели из-за закрытой двери, сквозь замочную скважину которую мы с Аллой не раз сами затыкали кусочком скомканной бумаги или просто оставляли там ключ. «По делам говоришь?» – Варя невозмутимо кивнула головой. Я подошёл к двери и заглянул в замок – ключ был на условленном месте изнутри. Ещё не зная, что сказать, и что сделать, я вышел из приёмной в некоторой задумчивости. Проходя мимо стола Наташи-бухгалтера, улыбнулся ей многозначительной всё позволяющей улыбкой. Она посмотрела мне в след тепло и долго. Мы держали взгляды, пока я не воткнулся правым ухом в косяк выходной двери. Кто-то противно хихикнул.

Поступок Аллы меня почему-то совсем не задел, наоборот я уговорил себя порадоваться за неё, она смогла, найти мне замену, пусть на это короткое время, но смогла. Хотя осталось ощущение, что меня выплеснули на тротуар вместе с водой из тазика, где только что с любовью тёрли мои подмышки. Теперь я сидел голенький на холодном асфальте и с интересом разглядывал проходящие мимо женские икры. Авось кто подберёт!

Двигаясь в солнечном тепле улицы, я не мог подавить в себе всё нарастающего влечения к Алле, теперь, и к Наталье и вообще к любой другой совершенно незнакомой женщине проходящей мимо. Меня бросало то в жар, то в холод. Дрожь пробегала по ставшим вдруг чутким телу, ведьминными кругами. Я закурил, и дым эровидными формами клубившийся вокруг меня только добавил внутренней щекотки. Вспомнилась учительница английского языка, одна мамина знакомая, которая по дружбе согласилась подтянуть меня по предмету. Она всегда сидела за столом, где мы произносили гаммы из английских слов, в домашнем халатике с пушистым воротничком из дымчатого меха; и когда я специально неправильно произносил времена глаголов, она, пытаясь мне донести правду о них, сильно наклонялась, почти вываливая на стол свои шары, покрытые прозрачной кожей с синенькой чёрточкой жилки на левом, правом...ух! До занятий ли мне было! Отороченные мехом они ещё долго приходили ко мне во снах и жили в них семяпроизвольной жизнью.

Мозг отказывался работать. Раздражение охватило всё тело. Я пил кофе и ходил по вечерним улицам то, ускоряя, то замедляя шаг. И тут меня посетила ещё одна шальная мысль. Ответ на вопрос из старой Советской песни, которую я зарядил вслух, дабы охладить свой не в меру разыгравшийся пыл.

«А с чего начинается Родина?» – пропел я сам себе протяжно и задумался. Открытие тут же сразившее меня, конечно, не будет воспринято другими людьми, так как мной в период вынужденной сублимации, но доля голой правды в этом есть. Я вдруг с прозрачной ясностью понял, что Родина начинается не в степях, где качает нефть Натальин рогач и не на передовой космических достижений, и не в Кремле под крылом важных мужей, а в нашей областной больнице. Там, на одном из многочисленных этажей есть специальная голая комнатка по добычанию анализов спермы: без окон, с холодным всё заполняющим искусственным светом, оборудованная красной кушеткой на твёрдых железных ногах и высоким умывальником, чтобы туда не совали лишние части тела. Именно здесь достигается равенство прав между угрюмым токарем седьмого разряда, простудившим простату на зимней рыбалке, и подмочившим свою репутацию в чужеродной вагинальной среде представителем закона. Сей образчик, можно было бы сделать паттерном жизни этой страны, ведь именно отсюда выходят раскрасневшиеся мужья в сопровождении несколько смущённых супружниц, без которых стрессовая добыча спермы в таких условиях была бы затруднена; вынужденных теперь лечиться вместе и свято верящие в то, что брызги из общественного унитаза случайно достигшие мужниных причиндалов, являются причиной их бесплодных несчастий.

На пятый день терпение моё просто иссякло. Его не осталось. Я стал заглядываться на толстушек, понимая, что они более лёгкая добыча, чем все остальные, приноравливаясь искоса к обтянутому колготами жиру. Оголённые женские плечи, и руки, даже бутылочной формы, вызывали у меня головокружение. При виде ног любой формы и длинны из под юбок, я просто опускал глаза, потому что в них начинали плыть оранжевые круги. И только теперь я согласился сам с собой и позвонил Наташе-бухгалтеру. Алла её отпустила с работы по первому требованию. Бессмысленный душ в преддверии её прихода, странная нервозность, успел ещё раз вспотеть. Вот – звонок в дверь, разогнавший мурашек по всему телу.

Она вошла тихая не накрашенная (своеобразная степень маскировки), поставила сумочку у зеркала в прихожей, как-то медленно и безропотно сняла туфельки с загорелых ножек и остановилась в пространстве прихожей. Руки за спиной спрятаны, губы закусены, глаза смотрят куда-то в сторону на однообразные цветочки на обоях. Бёдра чуть покачиваются, словно у стеснительной школьницы. Я не знал, что предпринять и весь мой запал и нестерпимое желание при виде сей непорочности куда-то делись. Летняя истома взяла меня в оборот. «Есть холодный лимонад», – выдавил я из себя. «Да, хорошо», – будущая мать моего ребёнка, вышла из оцепенения и сама прошла мимо на кухню, обдав мои ноздри сладким запахом феромонов. В подкорке пронеслись свадебные марши.

Мы молча сидели друг напротив друга, оба с ледяными стаканами в ладонях. На стене почему-то отвязно шикали бесшумные часы. В форточку ворвался грозовой ветерок, и она звучно хлопнула, следуя за порывом воздуха. Я вздрогнул и встал, чтобы закрыть.

«А ты любишь читать?» – услышал я за спиной. «Да, очень, особенно классику», – я обернулся и снова сел. «И я люблю, только её и читаю», – она встала и подошла к окну. С другой стороны на стекло шлёпнулись крупные плески предвещающие летний ливень. «И дождь вот такой люблю, чтобы на всю катушку... побарабанил», – я встал следом и попытался её обнять сзади, за утянутую юбкой и без того прозрачную талию. Но она инстинктивно дёрнулась и грубо отстранила меня. Потом вдруг спохватилась: «Ой, извини, я что-то не так делаю, мы же тут собрались...». Но, я её перебил: «Нет, нет, как скажешь! Хочешь, в этом деле будешь командовать только ты – сама?» – Наталья обернулась ко мне и сказала без тени напряжения, обыденно, по-деловому: «Я приду завтра, сегодня день не подходящий!» «Но завтра суббота

и чем она будет лучше?» – возразил я, включаясь в её лёгкий тон. «Да, разве? Хорошо – ты придёшь ко мне, нужен определённый день». «А как же муж?» – снова парировал я. «Мужа не будет, он нефть качает на западносибирской равнине, ещё неделю», – она отстранила меня и вышла в коридор. Я поплёлся следом проводить. «Что за определённый день?» – вот всё у них не как у людей бурчал я про себя. При всём при этом у кого «у них», и у каких «людей» даже мне самому было не совсем понятно.

«Зонтик возьми, завтра вернёшь».

Через час домой примчалась Алла, с намокшими от безрассудных капель дождя волосами, жутко встревоженная с озабоченными морщинками на лбу: «Как не вышло? Почему не вышло?»

«Мы же не кролики!» – ответил я раздражённо.

Вечер прошёл в затяжном молчании и ужин, предназначавшийся для нас с Натальей, остался нетронутым. Но самое странное произошло со мной ночью. Не спалось, ничего не хотелось, всё время где-то рядом в тишине пустоты или в пустоте тишины присутствовало лицо моей гостьи. Короткая стрижка шатенистых волос под мальчика (специально для меня подстриглась); сероватые в небесную белизну зрачки, опутанные чуткими ресницами то и дело махающие крылами в мою сторону; и такое особенное ни к чему не применимое выражение лица, словно ищущее чего-то и постоянно пропускающее мимо и снова безнадежно ищущее. Небольшие трещинки на тонких губах, отображение настроения: то расправлялись вместе с полуулыбкой, приоткрывая нечто важное, то вновь собирались сосредоточенно, что-то пряча и обдумывая, кажется, я их начал целовать, провалившись под утро в дремоту.

Разбудила меня настырная рука Аллы, зовущая рука Аллы. Она тянула меня за хобот, как слона, но слон оказался болен грёзами о той другой, доступной и не доступной, занятой и свободной, наполненной тайнами и совершенно открытой. «Нет, Алла, только не сейчас, не сегодня. Ты же сама хотела, ты тоже должна потерпеть. Алла, Алла – моя суровая большая женщина, моя воительница, мой бизнес форвард, моя тайная изменница. Богиня всех униженных и попавших в беду!»

Сразу после завтрака запиликал телефон. Воительница моя, недовольно буркнула трубке ответ, чиркнула на бумажке карандашом и несколько пренебрежительно протянула мне билет в другую галактику: «Вот адрес, там тебя будут ждать». Понятно, что она уже и сама пожалела, что ввязалась в это дело, всё-таки выходной и я должен быть с ней. Ну, а я пожалел, что сам сейчас не успел взять трубку телефона, и мне ещё целый час до встречи с этим чудным голосом, ещё вчера посадившим меня на свой золотой крючок; зовущим меня через тысячи медных соединений, и пришедший ко мне по километрам наспех скрученных и плохо спаянных медных проводов чуть ли не с планеты под названием «Счастье».

Адресом оказался отель довольно приличного уровня (к себе домой меня побоялись приводить). Теперь я уже шёл как на свидание, а не как на соитие. Я весь благоухал свежестью, и букет густо пахнущих лилий светился у меня в руках ярким оранжевым пятном. Странный улыбчивый швейцар без обиняков открыл мне двери. Я пригласил его покурить и угостил сигареллой, он задымил. Спросил: «Зачем?» Я ответил: «Ради жизни на Земле». Он ответил: «Я прослежу?»

Красная ковровая дорожка со строгим арабским орнаментом привела меня к номеру 69. Позвонил, уже готовый к встречной речи. Никто не открыл. Тогда я постучал. Сначала костяшками пальцев, занёс кулак, чтобы ударить сильно и наверняка, сердце на миг выпало из привычной лунки и с внутренним шипением запрыгало по телу – неужели обман. Дверь резко распахнулась, и я увидел заспанное, со следами мятой подушки на щеке лицо. Уже не такое чужое, как вчера, а привычное, почти родное.

«Я здесь ночевала, ... хотела обжить место. Входи», – она сделала шаг назад, впуская меня. Я сделал шаг вперед, и дверь щёлкнула за моей спиной. Мы снова помялись в прихожей: шкаф,

вешалка, руки помыть. Всё так скомкано и быстро, сознание ничего не успевает остановить. Вот она уже лежит на кровати в последней махровой защите, вот я мучительно раздеваюсь, она раздвигает халат (чёрный треугольник в его жёлтом проёме), короткое сопение ей в подвёрнутое ухо. Вот я уже на улице. Предатель-швейцар на меня даже не взглянул. Кажется, она сказала, что нужно будет ещё раз. Туман в голове, досадный туман. Не так всё должно было быть, не так!

Вернулся я домой под вечер (никак не мог себя собрать после случившегося), как мартовский кот, взъерошенный и с переполненными влагой глазами, осторожно открыл дверь родным ключом и обнаружил свои вещи собранными в два небольших говорящих сами за себя чемоданчика, стоящими в прихожей. Алла не первый раз так делала, давая мне понять, кто в доме хозяин. Обычно к утру чемоданчики разбирала сама, раскладывая мой скарб обратно на полки. Такой вот несносный характер. Намёк я принял к сведению.

Сама она сидела на кухне абсолютно голая и пила коньяк. Подошла, пошатываясь ко мне и показывая пальцем на дверь спальни: «Быстро туда!» – приказала она, властно мотнув головой, и качнулась. Я её поддержал неуклюже. Она вцепилась в меня своими красными присосками и не отпускала. Конечно, я не смел ей в этом отказать, и пошёл, и сделал всё что нужно, так без охоты, ради хорошего отношения и благодарности за новую подаренную жизнь. Когда она насытилась и отвалилась пиявкой, засопела, переваривая съеденное, кверху своим апельсиновыми формами, я незаметно встал, оделся, забрал чемоданы и вышел вон. Навсегда.

Думаю, что навсегда.

Познав настоящее, невозможно зависеть от прошлого. Даже если на этом прошлом, как на страховочном канате, висит какая-то важная часть твоего существования.

Дальнейшие мои скитания закончились поисками квартиры, где я и устроился в одиночестве, отключил телефон и практически провалялся неделю с книгой в руках. Конечно, пил! Выветривал из себя похмелье вместе с Аллой, её царские прихоти, последнее, оказавшееся не к месту и времени соединение с женщиной-бухгалтером. Память задним числом восстанавливала впечатавшиеся в сетчатку, сразу не распознанные моменты последних дней. Натальино красное ухо с лёгкими завитками тонких волосков на виске, я ещё подумал тогда, нервно двигая тазом, как это из женского тела, из этой вот кожи, над которой я сейчас нависаю, растут волоски, и сейчас растут, и я уйду, они будут расти. Помню, что от этой мысли мне сделалось душновато. Потом воспоминание повернуло калейдоскоп и из камешков телесного цвета сложилось массивное античное бедро, а потом и вся Алла. Мелькнули бежевые колготки, зачем-то завязанные на балясине кровати отдалённо напоминающей фаллос.

К концу четвертого дня захотелось услышать голос чистосердечной Маши. Руки потянулись к трубке, и только экранчик телефона обрёл свой рабочий вид, как тут же раздался звонок. Я знал, что так будет, но от чего-то долго тянул время, ликовал внутри себя, делал ставки на то, кто же первый хватится моей личности. «Боже! Наконец-то! Ты где? Срочно говори ты где?...», – трепетал эфир Наташкиным голоском. «А я ставил на Алёну!» – сказал я сам себе вслух и продиктовал свой новый адрес.

Смерч прилетел почти мгновенно и начал вертеть одежду ещё у входной двери, потом закружились подушки, покрывала, простыни наполненными парусами понесли нас. Её скомканная блузка несколько раз накрывала мне голову. Брюки странным образом зацепились за левую ногу и долго не хотели оставить меня в покое. Что-то случилось с рубашкой, кажется, она пошла по швам. Помню только, как я держал её гибкое извивающееся тело, а она, обхватив меня несколькими змеиными кольцами, всё синее и сильнее сжимала что-то внутри моего я, пока не выдавила меня всего в себя без остатка.

С этого дня время начало съезживаться, придвигая нас всё ближе и ближе к друг другу.

Наташа-бухгалтер ушла от своего нефтяного магната. Приехала ко мне на съёмную квартиру с невероятного цвета чемоданом на колёсиках. Вся такая молчаливая и обременённая

последним разговором с мужем, разразившимся горькими слезами перед её отъездом, чего она вовсе не ожидала.

Потом я принёс Алле деньги за оплодотворение, как посреднику и отдал половину просто так проверить возьмёт, не возьмёт. Взяла, и бросила в открытый ящик с расчёсками, стоящий у неё в прихожей. Почти равнодушно осведомилась: не останусь ли я у неё сегодня. Я не остался.

Обманутая залётным негодяем Ксения ещё несколько раз пыталась внушить мне чувство отцовства к своему чаду, что вновь и вновь оставалось без ответа. Ночные звонки, рыдания в трубку не прибавляли оптимизма моей жизни. Однажды я чуть не сломался, но вовремя прикуренная сигарета вернула меня в холостяцкое состояние.

Артурчик разыскал меня и снова огорошил совершенно невыполнимой просьбой. Видите-ли, он ушёл к другой, а той беременной, ту, что они «лечили» вместе с Ваном от комплекса неполноценности, срочно нужен муж. И, не мог бы я им стать. Я попросил его вежливо больше мне не звонить. И подумал ещё вдогонку: «Наделал делов, заботливый ты наш!»

Одна Наталья оказалась настоящей. Она действительно хотела этого ребёнка и хотела ребёнка от меня. Среди многих плевел и бездарных ростков, именно она была шедевром творения и поскольку не могла отстраниться от своей женской сущности, то прибегла к помощи хитрости. И помощь эта оказалась лишь поиском бесконечности и продолжением себя, поскольку продолжения себя самих для всех нынешних человек возможно только так.

Хитрость же она выбрала самую простую и понятную, поэтому не заметную для другого разума. Оказалось, что фото она выкрала у меня из альбома, я потом видел этот пустой яркий квадрат на фоне выцветших страниц, когда приходила к нам с Аллой по каким-то делам домой, я ей просто понравился.

Вы понимаете? Я ей просто понравился! Понравился я ей! Так-то вот запросто!

Муж у неё действительно был, и ребёнок, как выяснилось позже, родился от него. И он ни капельки был на меня не похож, а я к его внешности вообще не имел никакого отношения. Вообще не понимаю, как я мог поверить во всю эту фантазмагорию с фотографией? Такую женскую выходку невозможно было бы простить ни кому. Но когда я держу её за податливую руку на прогулке или вижу, как она старается, вырисовывая образ нашего счастья своими поступками, как светятся живым её глаза, останавливаясь на мне; как она ждёт меня и надеется всегда, всегда в любой день и час, что я её, что я с ней. Я не думаю уже ни о каком обмане и хитрости, ведь то, что она принесла с собой, поменяло меня. Она открыла мне суть моего прошлого и показала великое начало будущего, направила моё неуёмное желание женщины в нужное русло, и заставила, наконец, пригубить этот запретный плод добра и зла.

Что за бред я несусь?

Как только Наталья узнала, что ребёнок от мужа, так сразу вернулась к нему. Там деньги, там достаток, там настоящий отец, в конце концов. Я не останавливал её. Я вообще никогда и никого не останавливаю и не зову. Все вокруг сами приходят и стараются проложить вокруг меня свои запутанные тропинки. Я брожу по ним и иногда составляю карты, чтобы не сбиться со своего, предназначенного только для меня, пути. Если бы только я имел право привлечь тихую, оттаявшую от какого-нибудь горя, душу к своей давно потерянной судьбе, я бы сделал это. Но Вы же понимаете, друзья мои, что повсеместный обман достиг совершенства и уже молодая поросль жадно взирает из распашонок, чем бы поживиться за пределами детской кроватки. Поэтому я прощаюсь, и ухожу в далёкое плавание.

Вот и новая знакомая тянет оранжевое через трубочку у барной стойки. Она загорела и стройна. За её плечами на побережье торчат две облезлые пальмы и зеленоватый кусок океана. «Как твоё имя, дитя джунглей?» «Hello!» – кивает она мне, принимая заманчивую позу, обтягивающее платье, манящий изгиб перламутровой шеи. Я улыбаюсь широко и протягиваю ей сигарету.

Часть 2

Небо – острова

На высоте

Взгляд ловит покрывало облаков
и край крыла за тёмно-синим фильтром,
в коленях плед, как земляной покров,
расчерчен на квадраты и палитры.

Сосед бубнит про качку и грозу,
посасывая фляжку из кармана.
Я, наконец, себя к тебе везу
из временного выудив аркана.

Пусть борется с гипнозом циферблат
в серебряную луковку обутый.
Потерянной секунде каждой рад.
Я жадно собираю их в минуты.

Ещё немного и твоя рука
окажется в моей большой ладони,
как маленькая тихая река,
свой океан когда-нибудь догонит.

И день замрёт секундой дорожа,
минуя состояние постоянства:
и стрелки с новой силой задрожат,
и двинут соединённое пространство.

Новые скорые знакомства, впечатления – это болезнь. Неприятно чувствовать себя постоянно больным. Ранее от слова «пальма» или «океан» меня бросало в романтическую дрожь, переходящую в видения, которыми закончилась первая глава. Но вот я сижу под хилой пальмой, смотрю на серый океан. Всё уныло: ветер с его песчаными порывами в уставшие прищуренные глаза, он же приносит запах гнилья с побережья, которое я вижу со своего ротангового стула. Кусается песчаная мошка. Икры исцёсаны до малиновых полосок. Ключья взбитой волнами пены гуляют на стыке стихий, чайки гурьбой стоят неподалёку на своих трехпалых лапах в ожидании подачи. Душно, однако, и сыро, и пасмурно. Пальмовая роща рядом шелестит своими полупластиковыми кронами.

На деревянный помост прибрежного бара выползла кобра. Меткий бросок бармена топориком для рубки мяса, капюшон у змеи даже не успел раскрыться. Я безразлично смахиваю с запястья капли брызнувшей крови. «Суп, суп!» – радуется молодой худошавый работник местного общепита с соответствующим вензелем на переднике, обозначающим герб острова, где мы все «паримся». Он забирает ещё полуживую тушку, заглядывает в её гаснущие глаза и шепчет, шепчет – уговаривает её не сердиться.

Через две сигареты предлагает всем встречающим это хмурое не по сезону утро своё ароматное варево. Две европейские женщины, сидящие за барной стойкой, категорически отказываются. Они тоже видели конец несчастной змеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.